

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ВЛАСТИТЕЛИ БЫЛОГО СМЕХА

Сов. Криватура. - 1989. Январь - с. 6

Н. Акимов, Д. Гутман, В. Шкваркин, В. Хенкин, П. Польш... Этот ряд имен, вряд ли известных каждому читателю, можно и продолжить: Д. Кара-Дмитриев, Р. Корф, Я. Рудин, В. Лепко... Это люди, чьи таланты блистали в 20-е и 30-е годы на эстраде, сцене, цирковой арене, а в годы послевоенные меркли, вынужденно затухали перед тем, как уйти из жизни. И все эти люди были друзьями известного комедийного режиссера Эммануила Борисовича Краснянского. Его нет в живых уже более пяти лет... Осталась книга «Слуги трех муз», которая выпущена в свет издательством «Искусство».

Слуги трех муз? Пусть так, хотя музы эстрады и цирка античной мифологии не были известны. Но можно сказать и иначе: герои книги, как и ее автор, поклонялись единому божеству во множестве его манищих преображений: смеху.

Нас долго приучали: смех как самоцель — это плохо. Но для людей, творчески мыслящих и не обделенных хорошим вкусом, движение к такой «самоцели» непременно захватывает в путь дар пробиваться сквозь оболочку явлений к сути.

Талант обнаруживать в жизни смешные несоответствия видимостей и сущностей, помноженный на гражданский темперамент, — большая общественная ценность.

Автор ничего не рассказывает о себе. Он заинтересованно наблюдает за своими героями со стороны и если подает им реплики — для того лишь, чтобы они проявили находчивость, наблюдательность, остроту ума, то есть показали себя такими, какими и были в действительности.

Э. Краснянский не претендует на обобщения. Пишет скромно, иногда чуть иронично, позволяя себе грустную усмешку, когда память упирается в обстоятельства, губительные для героев воспоминаний. И тогда мы догадываемся, что не из-за сумасбродств непоседливого характера Д. Гутмана, один из создателей жанра сатирического эстрадно-театрального обозрения, метался из Москвы в Ленинград и обратно, мечтая найти репертуар поговорок — такой, чтобы не всегда отвергал с порога социально равнодушное искусство.

Время шло, и с ним менялось смешное. Автор намекает (книга писалась лет десять назад), что происходило это не только само по себе, в естественном ходе истории, но и под давлением свыше. То есть противоестественно. Комики, судьбой рожденные вытаскивать за уши да на солнышко «злобу дня», стали приспосабливаться к укромно бытовой комедии... Переход в новое качество не всем удавался без ощутимых потерь, даже великодушному В. Хенкину.

Он выходил на эстраду хмурый, раз и навсегда чем-то рассерженный. Резким движением головы отбрасывал несуществующую непокорную прядь от вполне реальной лысины. И начинал разговор с публикой «на вольную тему», каждый вечер — другой, потому что нет числа безобразиям, потому что житья нет простому человеку. Бросал слова в зал, на сочувствие не рассчитывая, — ведь и среди зрителей, небось, одни грамотеи. Конфликтных отношений с литературным языком этот персонаж отнюдь не стыдился, явно похвывая своим бескультурьем: жаргонности и неправильные ударения подавал с напором, с вызовом.

Незаметно для зрителей «свободный разговор» переходил в рассказ-монолог Зоженко. Не так уж

прост был этот человек, щеголяющий своей ученостью. Да, из народа вышел, но возвращаться не собирается. Претендует стать распорядителем жизни, зол оттого, что пока у него что-то не клеится, не как у некоторых... Типаж был безусловно узнаваем, фанатерия его — невероятно смешна. Кто мог тогда предполагать, что эта агрессивная претензия мещанина на всеобщее почитание обернется трагическим результатом?

По правдивым рассказам Э. Краснянского видно, сколь благодатна для умного смеха, возвышающего зрителей, атмосфера артистического, импровизационного озорства. Шутки, розыгрыши, парадоксы, десятки экспромтов — иные стали идеями веселых номеров и представлений, но большинство просто работало на дружеское расположение людей искусства друг к другу. Раскованность и азарт шутки создавали особое самочувствие всеобщей одаренности, причастности к интуитивным озарениям, к вольной работе смекаливых умов.

Непременная цензурированность каждого произносимого слова смертельна для импровизации. От комедийного приволья, от каскада экспромтов нас долго отучали — как, впрочем, и от разговора на конференсе с публикой, от авторских монологов фельетонистов, от «с пылу с жару» куплетов в концертных программах... Кто от этого в выигрыше — сказать трудно. Во всяком случае не нынешние «слуги трех муз»...

Читая книгу Э. Краснянского, явственно слышу его мягкую, неторопливую речь, интонации чуть ироничные — и невольно втягиваясь в мысленную беседу. Вот Эммануил Борисович с удовольствием повторяет афоризмы Н. П. Акимова. Разрешите, я добавлю к ним еще один экспромт этого блистательного художника и полемиста.

Шло очередное обсуждение в Дубовом зале Союза писателей.

Незадолго до того молодой режиссер А. Гончаров изобретательно поставил в Театре сатиры водевиле Александра Галича и Константина Исаева «Вас вызывает Таймыр». Успех был велик. Это задело драматурга А. Сурова, и он сказал приблизительно следующее: конечно, этот водевиль не заслуживал бы даже упоминания на столь ответственной совещании, но поскольку вокруг него столько шума, следует из принципа заметить, что авторы подражают худшим образцам западной драматургии, допускают безвкусицу и т. д., и т. п.

Реплика Акимова: «Первый раз вижу, как принципиальность писателя возрастает на глазах прямо пропорционально успеху чужой пьесы».

А разве в наши дни не приходится порой наблюдать нечто подобное?

Вл. БЛОК.